

Роджер довольно долго бродил снаружи, прежде чем наконец решился вернуться и снова предстать перед этой неприступной ледяной глыбой. Заметив, что за полукруглым столиком у обзорного окна Хань Цзин сидит в полном одиночестве, он удивлённо вскинул брови и выразительно кивнул на пустующее место Мориса.

— А где наш генерал?

— У Мориса появились срочные дела, ему пришлось уйти, — негромко ответил Хань Цзин.

В его голосе сквозила едва уловимая печаль. Между ним и Морисом словно выросла невидимая стеклянная стена: они находились на расстоянии вытянутой руки, прекрасно видели друг друга, но не могли соприкоснуться душами. Прошное Атлантиды — то, что должно было остаться самым прекрасным воспоминанием в их жизни, — Морис будто бы умышленно пытался вычеркнуть из памяти...

— Неужели этот ледник наконец-то отчалил? — удивился Роджер, хотя по его лицу было видно, что он рад до безумия. С удовольствием потянувшись всем телом, чтобы сбросить сковавшее его напряжение, он с облегчением опустил на стул. — Ну и что стряслось? Он успел тебя отчитать?

Роджер сделал приличный глоток вина и ободряюще взъерошил волосы Хань Цзина.

— Вид у тебя какой-то потерянный. Выше нос! Не принимай близко к сердцу выходки этого сухаря. Морис у нас притча во языцех — холодный как могила и серьёзный до безумия.

Роджер щедро плеснул Хань Цзину вина до самых краёв.

— Всё в порядке, он меня не ругал, — покачал головой Хань Цзин. — Просто... он действительно очень холодный. Словно никого не хочет подпускать близко.

— Да он не просто холодный, он — ходячий айсберг! — театрально расхохотался Роджер. — Ну и повезло же тебе оказаться с ним в одних апартаментах. Дальше держи ухо востро и старайся лишний раз не злить нашего многоуважаемого фронтового командующего. Хотя, если подумать, раньше Морис не был таким нелюдимым. Помню, на Хароне он хоть и держался свысока, но иногда всё-таки улыбался — ну, знаешь, как типичный высокомерный аристократ. А сейчас... я уже и забыл, когда в последний раз видел на его лице хоть тень дружелюбия.

Заметив, что Хань Цзин внимательно слушает, Роджер продолжил:

— Ты ведь знаешь, что Морис один из немногих выживших аристократов? Он принадлежит к древнему роду Норманов. Эта его надменность — в крови. Но вообще он человек чести, судит строго по делу и никогда не станет придирается по пустякам, если ты качественно выполняешь свою работу.

Так Роджер пытался успокоить младшего сокурсника.

Но Хань Цзин лишь глубоко задумался. Мысли о Морисе не отпускали его, он замкнулся в себе и сидел со стеклянным взглядом.

Они продолжали лениво беседовать за ужином. Когда бокалы опустели, Роджер бесцеремонно ткнул Хань Цзина пальцем в лоб:

— Эй! Ты можешь хоть немного сосредоточиться? Хватит витать в облаках и кивать мне невпопад!

— Старший сокурсник... — Хань Цзин потёр ушибленный лоб и с улыбкой приподнял бокал, переводя всё в шутку, но от наметанного глаза Роджера не укрылось, что тот по-прежнему расстроен.

— Что, никак не развеселишься? Неужели страдаешь от великой любви, когда один день в разлуке кажется вечностью? Не о своей ли зазнобе думаешь? Дай угадаю... это твоя первая любовь, да, Хань Цзин?

Роджер просто подначивал друга, но внезапно заметил, как тот резко переменялся в лице. Глаза старшего мгновенно азартно блеснули, и он вцепился в эту тему мёртвой хваткой.

— Ну же, выкладывай, кто этот счастливец? Расскажи старшему, у меня опыта побольше, вдруг чего дельного присоветую.

У Хань Цзина голова пошла кругом. Но мысль о том, что ему как-то нужно растопить этот проклятый ледник, заставила его задуматься. Роджер ведь действительно был невероятно опытен в делах сердечных.

«В конце концов, он умудрился завоевать Гленна, да так, что тот согласился выносить и родить ему ребёнка. Значит, его хвастливые байки о любовных победах — не пустой звук?»

Поразмыслив, Хань Цзин нерешительно произнёс:

— Старший сокурсник... Послушай. Если один человек раньше относился к тебе очень тепло, но после долгой разлуки внезапно стал холоден и неприступен... Что это значит?

Хань Цзин с надеждой посмотрел на Роджера.

Тот едва сдерживал дикий хохот. Его скромник-младший мялся, не решаясь назвать вещи своими именами, и упускать такой шанс расспросить его поподробнее Роджер не собирался.

— Для начала проясним один момент: твоя пассия — мужчина или женщина? — с ухмылкой спросил Роджер. — Психология полов сильно различается, да и подходы к соблазнению совершенно разные.

Хань Цзин на мгновение лишился дара речи и лишь спустя несколько секунд выдавил:

— Мужчина.

— Мужчина?! Ну, дорогой мой математик, ты лёгких путей не ищешь, сразу взялся за задачу повышенной сложности! — Роджер затрясся от смеха и с силой хлопнул Хань Цзина по плечу. — Ну и как, вы уже переспали?

— Роджер! — вспыхнул Хань Цзин, заливаясь густым румянцем от стыда и негодования.

— Ого... Ха-ха! Ладно, признаю, недооценил я тебя! Мои поздравления! — Роджер, будучи тёртым калачом в амурных делах, мгновенно раскусил реакцию парня.

Хань Цзин проклял всё на свете и в смущении отвернулся. Лицо Роджера внезапно стало серьёзным:

— Слушай, раз у вас всё зашло так далеко, а теперь он строит из себя недотрогу... Зная твой характер, ты вряд ли бы связался с каким-нибудь ветреным бабником. Так в чём же дело?

— Он совсем не такой, как ты, — буркнул Хань Цзин довольно резко.

— Хм... В таком случае не исключено, что он успел кем-то увлечься. Сам подумай, вы долго не виделись. Любое, даже самое сильное чувство со временем притупляется, особенно на расстоянии.

«Увлёкся кем-то другим?»

Сердце Хань Цзина болезненно сжалось, словно его стиснули тисками.

«Если в реальном мире у него кто-то есть, это бы многое объяснило: и его упорное нежелание сближаться, и эту ледяную отстранённость...»

Надежда, переполнявшая его душу, лопнула, как надутый воздушный шар, в который ткнули иголкой. Вся решимость разом испарилась.

— А если у него никого нет, но он всё равно ведёт себя так, будто мы чужие? — упрямо спросил Хань Цзин, цепляясь за последнюю соломинку.

— Разумеется. Многое зависит от его характера. Он вообще ласковый с тобой? — Роджер сочувственно потрепал его по плечу, заметив, как сник младший.

«В иллюзии Атлантиды он был горячим и нежным, как солнце... А в реальности?»

Перед глазами Хань Цзина снова встало безупречное, но застывшее, будто маска, лицо Мориса. Губы юноши тронула горькая улыбка.

— Нет. Он невероятно скрытный и холодный. Почти как... генерал Морис.

— Ого, так ты у нас по ледяным красавцам специализируешься? — Роджер едва сдержал приступ смеха. Сделав пару глубоких вдохов, он наконец выдавил: — Ну, тогда у тебя отличные шансы, рано вешать нос! Раз уж выбрал сложную задачку, решай её так же, как свои математические уравнения — иди до конца! Послушай меня, Цзин-эр. Такие натуры, как этот твой сухарь — или как наш Морис, — на самом деле внутри скрывают раскалённую лаву, которая миллионы лет копилась под тектоническими плитами. Если такой человек по-настоящему полюбит, он уже не изменится. И когда эта лава вырвется наружу, она сожжёт любые преграды. Может, он просто ждёт первого шага с твоей стороны? Гордецы никогда не признаются первыми. Кстати, вы недавно виделись? Не было никаких... намёков, пусть даже самых тонких?

— Намёков?.. — Хань Цзин мгновенно вспомнил огромную кровать в спальне апартаментов. Сердце предательски дрогнуло, а в груди поднялась волна сладкого предвкушения.

Заметив, как изменилось выражение лица младшего, Роджер многозначительно усмехнулся:

— Ну вот и отлично. Давай-ка допьём вино и нормально поедим. На выходных сможешь покинуть Базу № 9 и встретиться со своим неприступным рыцарем. Кто знает, может, он тоже места себе не находит от тоски. Как говорится, после разлуки встреча слаще!

— Роджер! — смущённо прикрикнул Хань Цзин.

Пытаясь скрыть неловкость, он быстро перевёл разговор на другую тему и чокнулся со старшим бокалом.

Сектор Роедлас

С наступлением ночи неоновые переливы подводного купола поблёкли. Автоматическая система приглушила сияние кристаллов Туаой, и мягкие, сонные лучи окутали сектор Роедлас полумраком.

Глубины океана принесли с собой приятную прохладу. Морис сидел на открытой террасе, его спина оставалась безупречно прямой, а сосредоточенный взгляд был прикован к бегущим по голографическому экрану строчкам данных. Но за этой внешней невозмутимостью скрывалось жестокое усилие: брови генерала были сурово сдвинуты, он до боли прикусил нижнюю губу, а на бледном лбу выступили мелкие капли пота. Золотистые пряди, падавшие на лицо, лишь усиливали его растущее раздражение.

— Проклятье... — глухо выдохнул он.

Резким движением захлопнув коммуникатор, Морис попытался подняться, но его обычно твёрдое тело внезапно предательски задрожало.

Волны жара, одна за другой, безжалостно накатывали на него. Сдерживать их больше не хватало сил. Тонкая шёлковая рубашка промокла насквозь, липнув к изящным изгибам шеи и плеч.

Морис слишком хорошо понимал, что с ним происходит. Он боролся с этим наваждением больше полугода, подавляя его медикаментами, но теперь организм выработал к ним стойкое привыкание. Постыдное вожделение, копившееся месяцами, обрушилось на него лавиной, диким зверем, готовым окончательно подчинить его волю.

— Тварь... — прошипел Морис сквозь зубы.

Кожа стала настолько чувствительной, что даже нежное прикосновение шёлка казалось невыносимой, болезненной пыткой, заставлявшей всё тело содрогаться от судорог.

Кое-как преодолевая слабость, он двинулся в сторону гостиной. Жар внутри разгорался с пугающей скоростью. Ноги подкашивались, теряя опору. Ночь всегда была для него самым ненавистным и страшным временем суток — периодом, когда проклятие Атлантиды настигало его с особой жестокостью. Теперь же этот кошмар начал отравлять и его дневную службу.

Дрожащими руками Морис откупорил флакон с Содиумом и, даже не пытаясь налить воды, торопливо проглотил горькие таблетки, призванные притупить чувства. За сегодняшнюю ночь это была уже третья доза, но лекарство почти не помогало... Генерал в ярости сжал пластиковый пузырёк, так что побелели суставы пальцев.

«Почему его всё ещё нет?»

Лекарство не успевало подействовать. Разум Мориса постепенно застилал туман, а бледные щёки залил лихорадочный, греховный румянец.

Мысль о том, какое решение ему предстоит принять этой ночью, вызвала у него очередную вспышку гнева. Стиснув зубы, он опёрся о стену и медленно побрёл к ванной, надеясь унять

внутренний пожар ледяной водой.

— Морис?! — Хань Цзин, едва переступив порог, сразу заметил эту беззащитную фигуру.

Генерал больше не казался неприступным каменным изваянием — он тяжело опирался на стену, едва удерживая равновесие. Хань Цзин в мгновение ока пересёк комнату и подхватил его под руки.

— Что с тобой?! — вырвалось у него.

Кожа Мориса была горячей, словно в лихорадке, и его податливое тело безвольно прижалось к груди юноши.

Этого мимолётного прикосновения хватило, чтобы внутренний жар генерала, подобно яду, хлынул по венам с утроенной силой. Сгорая от стыда за собственную слабость, Морис отвернулся, пряча полыхающее лицо за каскадом золотых волос.

— Я отведу тебя в госпиталь! Нет, лучше сам вызову врача! — запаниковал Хань Цзин, крепко прижимая к себе обжигающее тело, даже не замечая, насколько интимным стал их контакт.

— Не... не нужно... — Морис перехватил его запястье. Его голос сорвался на хриплый, чувственный шёпот.

Хань Цзин замер, сердце его бешено заколотилось. В иллюзии Атлантиды, где они предавались любви ночи напролёт, этот хриплый шёпот всегда предшествовал самым безумным часам страсти. Этот звук пробудил в его душе бурю воспоминаний.

— Морис... — Хань Цзин заворожённо смотрел на него.

Он бережно убрал с лица генерала мокрые золотистые пряди, заставляя поднять голову.

Лазурный взор Мориса больше не казался ледяным — глаза затуманились от желания. Нахмурившись, он встретился взглядом с мягкими, глубокими тёмными глазами юноши — точно такими же, как в тех безумных снах, окутывающими его теплом и нежностью.

— Я люблю тебя, Морис, — прошептал Хань Цзин.

Наконец-то обнимая того, о ком грезил наяву и во сне, он не выдержал и накрыл его горячие губы нетерпеливым поцелуем.

В груди Мориса словно рухнула плотина. Его тело на секунду оцепенело, но ласковые

прикосновения растопили остатки воли. Сдерживаемое вожделение вырвалось наружу сокрушительным потоком. От этих нежных поцелуев и ласк он окончательно потерял контроль над собой.

Сам не понимая, что делает, Морис обнял Хань Цзина за шею, и они вместе рухнули на просторную постель.

Их тела сплелись в привычном ритме, продиктованном Иллюзией Атлантиды. Морис с ужасом осознал, что оказался внизу. Ласки Хань Цзина мгновенно довели его до предела: плоть изнывала от жара и невыносимого напряжения, а глубоко внутри разливался томительный зуд, умоляющий о заполнении.

«Как такое возможно?! Неужели Иллюзия Атлантиды изменила меня навсегда?»

Морис попытался перехватить шаловливые руки юноши, но его собственное тело, податливое и гибкое, словно змея, уже само ластилось к партнёру, разводя колени навстречу неизбежному позору.

— Я так сильно люблю тебя, Морис... — шептал Хань Цзин.

Он не спешил, не брал его силой. Относясь к генералу как к величайшей драгоценности в своей жизни, он медленно разжигал в нём огонь страсти, осыпая нежными поцелуями шею, ключицы, мочки ушей — все те места, которые в иллюзии сводили Мориса с ума.

— А-ах... — не сдержавшись, Морис глухо застонал, но тут же прикусил губу.

Эта неторопливая пытка сводила его с ума. Разозлившись на собственную слабость, он распахнул полные туманного блеска глаза и хрипло выдохнул:

— Сколько ты ещё будешь возиться?! Либо делай это... либо убирайся к чёрту! Ох-х...

Хань Цзин усмехнулся и страстно заткнул этот упрямый рот поцелуем, лишая генерала остатков воздуха. Он и сам не ожидал, что их отношения сделают такой резкий скачок, но слова Роджера оказались чистой правдой: если выпадает шанс растопить ледник, нужно действовать без промедления!

Вдруг Морис резко выгнулся, когда почувствовал, как чужая, горячая плоть преодолевает сопротивление его тела. Резкая, разрывающая боль заставила его побледнеть, на миг вырвав из тумана похоти.

Ощувив, как сильно зажался его партнёр, Хань Цзин тут же замер. До него внезапно дошло: для Мориса в этой реальности всё происходило впервые. Это был не сон.

— Тебе больно?

— Сделать помедленнее?

Хань Цзин бережно, едва заметно качнул бёдрами. Сердце его переполнял такой восторг, что голос вибрировал от нежности.

Морис демонстративно отвернулся, не желая видеть этот любящий, преданный взор, от которого его собственная броня давала трещину. Но тело быстро привыкло к боли. Каждый толчок приходился точно в цель, разжигая внутри пожар, перед которым железная воля генерала оказалась бессильна.

— А-ах... — Морис судорожно вцепился пальцами в простыни.

Его кожа блестела от пота, а измученное сладострастием тело само начало подаваться навстречу движениям Хань Цзина.

Он сходил с ума от стыда, но сладостная волна накрывала его с головой. Как и в бесстыдной Иллюзии Атлантиды, он сам жаждал большего, инстинктивно выгибаясь и подставляясь под каждый удар, пропускающий через его позвоночник электрические разряды наслаждения.

Разум окончательно проиграл эту битву похоти. Из груди Мориса вырвался приглушённый стон:

— Ах... быстрее...

Заметив на ресницах зажмурившегося Мориса едва заметную влагу, Хань Цзин испугался. Сердце заныло от нежности. Он ласково прижался к его лицу, покрывая поцелуями мокрые дорожки на щеках, стараясь унять его дрожь.

Почувствовав, что его осторожно приподнимают и усаживают к себе на бёдра, Морис ощутил внезапное опустошение от прекратившегося трения. Он недовольно приоткрыл лазурные глаза, но, столкнувшись с бесконечно нежным взглядом Хань Цзина, окончательно сдался. Обхватив юношу за плечи, он крепко переплёл свои пальцы с его ладонью и сам начал двигаться, упрямо насаживаясь глубже. Влажные золотые пряди облепили их разгорячённые тела.

Ощущая эту неистовую жажду, Хань Цзин прижал его к себе ещё крепче и прошептал прямо в ухо:

— Тише... не торопись, мы никуда не спешим.

<http://bllate.org/book/19677/1951594>